Федосеев Н. Ф. Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи // Ист. наследие Крыма [Симферополь]. 2005. № 9. С. 162—166. [Fedoseev N. F. Pantikapej i «okhrana pamyatnikov» v Kerchi // Ist. nasledie Kryma [Simferopol']. 2005. N 9. S. 162—166.]

Шавшин В. Г. Балаклавский Георгиевский монастырь. Симферополь, 1997. 160 с. [Shavshin V. G. Balaklavskij Georgievskij monastyr'. Simferopol', 1997. 160 s.]

Шавшин В. Г. Английская армия в осаде Севастополя // Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война 1853—1856 годов : Первая героическая оборона Севастополя. Севастополь, 2005. С. 107—118. [Shavshin V. G. Anglijskaya armiya v osade Sevastopolya // Dostojnyj pokloneniya. Vostochnaya (Krymskaya) vojna 1853—1856 godov : Pervaya geroicheskaya oborona Sevastopolya. Sevastopol', 2005. S. 107—118.]

Юргевич В. Н. Две генуэзские надписи из Балаклавы // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. Одесса, 1879. Т. 11. С. 319—320. [Yurgevich V. N. Dve genuezskie nadpisi iz Balaklavy // Zap. Odes. o-va istorii i drevnostej. Odessa, 1879. T. 11. S. 319—320.]

Dauge V. Post-war recovery in Cambodja // Museum management and curatorship. 1997. Vol. 16, № 2. P. 164—172.

McPherson D. Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian Bosphorus. L., 1857. 132 p.

Manhart C. The Afghan cultural heritage crisis: UNESCO's response to the destruction of statues in Afghanistan // American J. of archeology. 2001. Vol. 105, № 3. P. 387—388.

Roberts B. O. War emergencies: coordination and preparedness do pay off — an international perspective // Museum management and curatorship. 1997. Vol. 16, № 2. P. 160—163.

Russell W. H. The war from the death of lord Raglan to the evacuation of the Crimea. L., 1856. 486 p.

Stone P. The identification and protection of cultural heritage during the Iraq conflict: A peculiarly English tale // Antiquity. 2005. № 79. P. 933-943.

Wenzel M. Bosnia and Herzegovina: danger, through social readjustment to cultural property which had survived war // Museum management and curatorship. 2001. Vol. 19, № 3. P. 316—331.

Статья поступила в редакцию 24.06.2013 г.

УДК 159.953.34 + 130.3:94(09) + 008

Н. Н. Баранов

«МЕСТА ПАМЯТИ»: УСПЕШНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИЗДАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ

Рассматривается исследовательское направление, посвященное проблематике «мест памяти» в культурно-историческом контексте, обусловленное актуализацией исследований феномена человеческой памяти и ментальности. Анализируется трехтомник «Европейские места памяти», вышедший на немецком языке в Мюнхене в 2012 г.

Ключевые слова: места памяти; феномен человеческой памяти; культурные практики; ментальность.

Проблематика мест памяти, связанных с различными историческими эпохами и ситуациями, уже много лет не только привлекает внимание исследователей, но и вызывает очевидный общественный интерес. Процесс был инициирован

© Баранов Н. Н., 2013

в середине 1980-х гг. усилиями Пьера Нора, когда под его руководством был создан классический семитомный труд «Lieux de memoire». Такой поворот в исторической науке был обусловлен несколькими обстоятельствами: во-первых, обращением к постановке исследовательских вопросов в культурно-историческом контексте; во-вторых, актуализацией исследований человеческой памяти и ментальности, особенно того, как общество размышляет над своим существованием и его следами. В то же время только-только начинает осознаваться то обстоятельство, что это исследовательское направление, несмотря на тридцатилетнюю практику, остается феноменом, суть которого все еще не вполне ясна. С одной стороны, естественные науки и медицина давно занимаются изучением и классификацией процессов восприятия, но с другой — те же самые процессы формируют исследовательское поле, где на первый план выходят проблемы идентичностей и менталитета, возникновение и изменения которых очевидно определяются конкретно-историческими обстоятельствами. Культурные практики воспоминаний исследуются в самых различных пространственных измерениях — от локального до глобального. Тем более удивительно, что общеевропейский уровень за редкими исключениями по сей день оставался практически неохваченным [см.: Europäische Erinnerungsräume; François, Serrier].

Такой очевидный пробел постарались заполнить создатели примечательного трехтомника «Европейские места памяти», вышедшего на немецком языке в мюнхенском издательстве «Ольденбург», — своеобразной энциклопедии общеевропейских коммеморативных казусов и практик [см.: Europäische Erinnerungsorte]. Издание осуществлено под руководством четырех историков, которые уже давно зарекомендовали себя авторитетными специалистами по истории Европы. Это Хайнц Духхард, до 2011 г. директор Института европейской истории им. Лейбница при университете Майнца; Георг Крайс, до 2011 г. руководитель Института Европы в Университете Базеля, председатель национальной комиссии против расизма, включенный в список 100 наиболее значимых персон Швейцарии; Вольфганг Шмале, профессор новой истории в Венском университете, и Пим ден Бур, зав. кафедрой европейской культурной истории в университете Амстердама. В то же время для реализации проекта им удалось собрать интернациональную команду, в которую вошли более ста авторов из 13 европейских стран, Израиля и США. При этом ставка была сделана скорее на молодых и перспективных, чем на маститых и именитых. Из последних в составе авторского коллектива можно назвать крупнейшего специалиста по этнонационализму М. Гроха, нынешнего директора Германского исторического института в Москве Н. Катцера и специалиста по истории нацизма из Израиля М. Циммермана. Следует отметить выраженный германский след в этом предприятии. Все редакторы и подавляющее большинство авторов — представители немецкоговорящих стран.

Создатели трехтомника подчеркивают, что вовсе не претендуют на исключительность или исчерпывающий характер своего труда. Институциональным центром, где был рожден и воплощен замысел издания, стал майнцский Институт европейской истории. Его сотрудники уже с конца 1990-х гг. стремились к воплощению концепции Нора на общеевропейском уровне. Проблеме евро-

пейских мест памяти была посвящена международная конференция, проведенная в 2000 г. Ее основные результаты нашли отражение в очередном выпуске институтского «Ежегодника европейской истории» [см.: Jahrbuch für Europäische Geschichte][1]. С 2007 г. тема мест памяти стала основной в деятельности института. При этом всем, кто был задействован в проекте, с самого начала было ясно, на какой тонкий лед они рискнули ступить. Уже сама концепция Нора отчасти подверглась основательной критике за нечеткую терминологию, тенденцию к унификации и канонизации, выраженное стремление к конструированию национально окрашенных мифов. В Брюсселе замысел издания вызвал явную тревогу евробюрократов: не лишится ли процесс европеизации своих исторических корней, не размоется ли и без того недостаточная идентификация граждан с Европейским союзом?

Европейская общность и символические места, на основании и при помощи которых конституировалась Европа, издавна составляли предмет размышлений, которые способствовали тому, что термин «Европа» стал центральным объектом интеллектуальных рефлексий и политических стремлений. Однако до сего дня их, по-видимому, крайне недостаточно. Еще Й. Г. Гердер в эссе «О памятниках древности» (1792) сожалел о недостатке европейских фундаментальных мифов и коллективных «мест памяти» и отмечал, что «никакая европейская связь не способна объединить народы так, как, например, объединены индусы их Гангом, их святыми местами и пагодами» [Herder, S. 208]. Спустя два века, в 1998 г., В. Шмале задавал тот же вопрос: не рухнет ли в конце концов Европа в политическом смысле из-за дефицита собственных мифов. Незначительность пространства, тесное сосуществование весьма разнообразных культур и обществ, характерные и очевидные для этой части света соревновательность и конкуренция — все это, как представляется, не способствовало появлению общих символических мест.

Однако более пристальный взгляд на европейскую историю дает повод для оптимизма. Очевидно, что имеется достаточное число мест памяти общеевропейского масштаба, которые имеют значение для всего континента, по крайней мере для значительной его части, в том смысле, что в них можно увидеть нечто общее, связывающее, что можно рассматривать как существенный структурный компонент европейской идентичности. Разумеется, почти всегда присутствуют ограничения культурного, конфессионального, социального и политического характера. То, что университет — специфически европейское явление, понятно, как правило, прежде всего выпускникам этого учреждения; то, что определенные литературные произведения имели европейский резонанс и европейское влияние, знает только тот, кто вообще имеет представление о литературе.

Таким образом, способ восприятия культурных ценностей прошлого играет важную роль при конструировании европейских мест памяти. Этот процесс можно описать в актуальных терминах (например, «трансфер» или «культурная интерференция»), но подразумеваться будет всегда лишь одно: нет другого пути в фактическом, конструируемом или воображаемом пространстве, кроме как производство воспоминаний исходя из истории. Можно сделать шаг еще дальше: символические места памяти образуют контрольные

точки в пространственных представлениях определенной общности. В этом смысле любое символическое место в пространстве Европы также всегда может сказать о самосознании европейцев. В этом отношении проект «Европейские места памяти» может способствовать развитию чувства европейской общности или по меньшей мере стимулировать дальнейшие размышления о том, что связывает этот континент и его отдельные части друг с другом.

Актуальность проекта не продиктована напрямую фундаментальными проблемами исторических исследований, но сами историки, безусловно, находятся под влиянием современных исследовательских тенденций. Постановка вопроса о тех силах, которые придавали этому континенту, в отличие от других, по крайней мере в тенденции, определенную степень общности, не является ни дискриминирующей, ни ошибочной. Это подтверждается самыми актуальными трудами. Если осознание европейской идентичности — это исторический процесс, то нельзя «отделять Европу от картин, которые создавались европейцами в масштабах их континента» [Bilder von Europa, S. 11]. В свою очередь, эти процессы вызывают специфические воспоминаний, которые фиксируются и транслируются в коллективных практиках воспоминания, становятся объектами междисциплинарного научного исследования и формируют, по мнению современного исследователя, новое научное исследовательское поле европеистики [см.: Erll; Europa — Europäisierung — Europäistik].

В этой связи вполне уместно стремление поставить вопрос о понимаемых в самом широком смысле *символических местах памяти*, общих для Европы или для значительной ее части, несмотря на то, что различные воспоминания о них часто имеют весьма разнообразную, способную даже вызывать конфликты, смысловую нагрузку. Во введении к каждому тому редакторы издания постулируют единство мнений всего авторского коллектива по этому вопросу и выделяют три критерия, которым должно соответствовать любое европейское место памяти.

• 1. «Европейскими местами памяти могут быть такие феномены, которые уже во время их появления в сознании современников приобретали европейский масштаб. Участники и современники битвы при Каленберге в 1683 г. точно знали, что она решала судьбу Европы, независимо от того, происходили они из габсбургских земель, Саксонии, Польши или Франции. Люди на исходе XVIII столетия чувствовали и переживали общеевропейский характер эпохи Просвещения или классицизма, что формировало и усиливало их чувство принадлежности к одной и той же культуре и культурной общности» [Europäische Erinnerungsorte, S. 9].

• 2. «Такие феномены должны способствовать распространению чувства европейской общности. “Фауст” Гете был литературным событием, которое быстро распространило свое влияние на другие европейские нации и культуры. Через отзывы, переводы и прочие адаптации в других сферах культуры этот текст стал общим достоянием интеллектуальной элиты Европы. Должны быть общеевропейские, транснациональные посредники и пути посредничества, чтобы из более или менее сенсационного события возникло европейское место памяти. Ключевую роль здесь должно играть понимание, что анализ процессов

коммуникации и восприятия должен проводиться иначе, чем при обращении к национальным местам памяти» [Europäische Erinnerungsorte, S. 9].

• 3. «Находить такие места памяти, которые имели значение не только для западной, но и восточной части континента. Нужна существенная правка попрежнему существующей в исторических исследованиях односторонности. Чтобы продолжить примеры из литературной области, то наряду с Гете и Шекспиром осознанно выбирался также русский писатель, творчество которого имело европейский масштаб. Выбор темы «Antemurale christianitatis»[1] был обусловлен тем, что этот лозунг имел и, вероятно, все еще имеет большое значение в первую очередь для регионов Центральной и Юго-Восточной Европы» [Europäische Erinnerungsorte, S. 9].

Европейские места памяти мыслимы только как конструкты, которые соединяют широкий исторический подход с тем, что составляет суть этих конструктов: это контрапункты исторического процесса, которые в положительном или отрицательном смысле усваиваются в широких, а не только элитарных слоях и позволяют сформировать представление о некой общности, прежде всего об общем наследии. Возможности и способности восприятия истории и исторической памяти могут быть при этом очень разными.

Общий замысел предопределил структуру издания. Первый том имеет заголовок «Мифы и основные понятия европейского самосознания», второй — «Европейский дом», третий — «Европа и мир». При этом структура первых двух томов почти идентична и состоит из шести разделов: «Мифы», «Общее наследие», «Основные свободы», «Пространство Европы», «Опыт войны и стремление к миру», «Экономическое пространство». К этому во втором томе добавлен раздел «Метафоры, цитаты, лозунги». Третий том стоит несколько особняком и разделен на три части: «Основные понятия», «Концепты» и «Конкретные случаи». Уже из этого видно, что авторы находятся под сильным влиянием не только концепции П. Нора, но и такого авторитетного направления исследований, как «Begriffsgeschichte».

Первый том («Мифы и основные понятия европейского самосознания») можно назвать теоретическим и установочным. Он сориентирован на самые общие идеи и высказывания, содержащиеся в основных европейских документах от Соглашения о правах человека 1950 г. до Конституционного договора 2009 г. В нем представлены те силы, которые формировали облик Европы с политической точки зрения. Неудивительно поэтому, что миф о Европе здесь представлен прежде всего в политическом ключе, а уж потом — его бытование в литературе и искусстве. Центральное место в книге занимает тема о б щ е г о н а с л е д и я. Под ним понимаются те масштабные духовные явления, благодаря которым Европа стала тем, чем является сегодня: наряду с влиянием Античности,

[1] В переводе с лат. «Оплот христианства» — девиз для стран, защищавших границы христианской Европы от угрозы со стороны Османской империи. Папа Лев X в 1519 г. так назвал Хорватию, поскольку хорваты внесли существенный вклад в борьбу против турок. Продвижение Османской империи в Европе было остановлено на хорватской земле, которая в этом смысле расценивалась как «врата европейской цивилизации».

христианства, иудаизма не забыты арабские и исламские влияния, а также и интеллектуальные феномены европейского характера — гуманизм и Просвещение.

Больше всего соответствует постановке вопроса о европейских местах памяти второй том — «Европейский дом». Он полностью повторяет первый по структуре и иллюстрирует его абстрактные положения показательными конкретными примерами, которые способны особенно подчеркнуть специфический характер европейских влияний, взаимосвязей и воспоминаний. Мифологический раздел здесь охватывает тысячелетия и простирается от Геркулеса до гимна Евросоюза. Если в первом томе перечень основных свобод вполне предсказуем (права человека, правовое государство, разделение властей), то во втором можно наблюдать торжество гендерного подхода: из пяти статей раздела три так или иначе посвящены женской теме («Анна Франк», «Женская эмансипация: Мари Кюри», «Женское движение: Симона де Бовуар»). В богатейшем общем наследии обращают на себя внимание презентации пяти конфессиональных столиц — Рима, Виттенберга и Женевы, Третьего Рима (Москвы) и Стамбула, а также разнообразие материальных носителей общеевропейского «культурного кода», среди которых соседствуют конные статуи и пиццерия.

Ввиду изобилия всевозможных мыслимых случаев важную роль играла репрезентативность и одновременно обусловленная отбором круга авторов случайность выборки, что можно продемонстрировать на примере раздела «Опыт войны и стремление к миру». Войны против меньшинств поясняются на примере таких ключевых понятий, как «1348 год» (чума, еврейские погромы и вызванное этим бегство евреев из Центральной в Восточную Европу) и Варфоломеевская ночь. Оба события имели общеевропейское значение, а Варфоломеевская ночь, кроме того, стала первым поистине европейским информационным поводом. Эти сюжеты развивает тема «Освенцим», в которой представлена трагедия шоа как центрального события XX столетия. Сражениями общеевропейского масштаба, оставшимися в памяти всей Европы, были выбраны битва при Каленберге, битва народов под Лейпцигом и Миссолонги, а кроме того, Верден и Ковентри — как два ярких свидетельства нового измерения войны, далеко выходящего за пределы только непосредственных ее участников. В последних случаях прежде всего речь идет об эмоциональном конструкте сопричастности, ответственности и покаяния. Тема «Солдатские кладбища» символизирует инструментализацию войны на примере не стихийно возникшего, а целенаправленно создаваемого места воспоминания. В качестве выдающихся событий, связанных со стремлением к организации длительного мира, стали Вестфальский мир, Парижская мирная конференция 1919 г. и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Все они проходили на фоне интенсивных философских теоретических размышлений о мире. Примером тому является «К вечному миру» И. Канта. Насколько войны XX столетия были также в самом широком смысле «вызовом» для художников, показано на примере того, какого рода местом памяти стала «Герника» Пикассо.

В третьем томе («Европа и мир») авторы настойчиво подчеркивают свое намерение уйти от темы экспорта европейского опыта вовне или стремления

вновь вдохнуть жизнь в давно устаревшие мифы-послания о преобладании «старого континента». Скорее подчеркивается намерение анализировать «возвращение европейского мышления в измененных формах в Европу, понять, как обогащает европейский мир все то, что он воспринимает в совершенно различных сферах из-за морей» [Europäische Erinnerungsorte, S. 11]. Однако до сего дня в дискуссиях вокруг альтернативы «культурный релятивизм — универсализм» преобладают скорее эмоциональные и этноцентрические, чем рациональные и ориентированные на понимание точки зрения и установки. При этом знакомство со структурой и содержанием тома оставляет впечатление торопливости и «недоделанности». Вызывает вопросы отбор базовых ключевых понятий тома. Наряду с неизбежной «Глобализацией» присутствуют статьи «Экспансия», «Ориентализм», «Расизм» и «Постколониализм». Да и в основном разделе очевиден дисбаланс: из 25 статей две («Лига Наций» и «ЮНЕСКО») призваны подчеркнуть мировой масштаб европейского наследия, а еще 10 посвящены многообразным символам исторических связей между Европой и Америкой (два юбилейных года, связанных с именем Колумба: 1892 г. и 1992 г., Монтесума на оперной сцене, богослужение в форме госпела, Че Гевара и пр.). Но только одна статья имеет отношение (и то весьма специфическое) к восточной части евразийского континента — это «Китайский ресторан». Впечатление, что выбор тем этой рубрики был весьма произвольным, подтверждается тем, что несколько статей сильно ориентированы на Германию («Макс Вебер и Япония», «Колониализм и этнографические коллекции в Германии», «“Немецкий дух”, “немецкая наука” и латиноамериканские исследования») и — независимо от их качества — довольно слабо связаны с общей темой.

Вполне естественно, что труд, включающий 151 статью, отличают широта и разнообразие подходов, постановки проблем, акцентов. Их невозможно, да и не нужно построить под один шаблон. И все же именно во втором томе значительная часть статей более всего соответствует общему намерению исследования европейских мест памяти, даже если их наличие не постулируется изначально, но раскрывается в процессе изложения исторического материала. Характерным примером может быть статья Н. Катцера, где автор сначала тщательно анализирует становление и развитие представлений о Москве как «Третьем Риме», затем отмечает, что в данном случае речь идет прежде всего о национальном, возможно лишь отчасти европейском, месте памяти, которое, однако, способно порождать самые различные восприятия на общеевропейском уровне. То же можно сказать и о статье «Antemurale christianitatis», в которой показано, как в процессе литературной и художественной переработки из «фигуры для умственных упражнений» возникает место памяти. Эти примеры также свидетельствуют, что авторы не замыкаются в границах Западной Европы, а стремятся освоить пространство на Востоке, вплоть до территорий бывшей Османской империи. При этом, несмотря на заявленное стремление презентовать места памяти общеевропейского масштаба, довольно часто допускаются отклонения. Вряд ли Виттенберг и Женева воспринимаются как общие места памяти населением католической Европы. Лувр и Миссолонги имеют гораздо более выраженный национальный, чем европейский характер. Наличествуют

статьи о Вердене и Ковентри, которые символизируют ужасы войны в сознании западных европейцев, но нет Сталинграда и Сараево. Даже восприятие одного и того же события могло меняться во времени и пространстве. Та же битва при Каленберге в глазах современников (включая и турок), безусловно, имела общеевропейский масштаб, но позже, в XIX столетии, все больше становилась частью австрийской государственной пропаганды и имперской мифологии.

Хронологические рамки выбранной темы чрезвычайно широки: они охватывают 2500 лет — от Античности («Антигона», «Марафон») до современной истории («СБСЕ», «Евро»). Но разработка этих современных тем представляет определенную трудность. В связи с отсутствием должной временной дистанции их соответствие общим критериям европейских мест памяти еще предстоит доказать. При этом очень немногие темы связаны с холодной войной. Читатель напрасно будет искать статьи о Берлинской стене или железном занавесе. Это тем более удивительно, что в книге присутствуют сюжеты, интерес к которым не столь значителен и чье значение для европейской идентичности не так велико: например, «Варфоломеевская ночь» или «Битва народов под Лейпцигом».

Подводя итог, следует отметить, что эти три тома часто колеблются между исследованием европейских мест памяти в строгом смысле, с одной стороны, и обращением к способам укрепления европейского единства — с другой. Этот поиск следов поставленной под сомнение в последние годы европейской идентичности обусловил и во многом неоднозначный тематический отбор.

Представленный труд может стать основой для дальнейших исследований самого понятия м е с т а п а м я т и, так как в нем была предпринята попытка осмысления многих феноменов и линий развития с одной — европейской — точки зрения. Разработка проблемы специфики европейского самосознания в сравнении с другими континентами потребует и новых исследовательских подходов, и определенной модификации самого концепта «Места памяти».

Bilder von Europa. Innen- und Außenansichten von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. B. Drechsler. Bielefeld, 2010.

Erll A. Gedachtnis- und Erinnerungskulturen. Stuttgart ; Weimar, 2011.

Europa — Europäisierung — Europäistik : Neue wissenschaftliche Ansätze, Methoden und Inhalte / Hrsg. M. Gehler, S. Vietta. Wien, 2009.

Europäische Erinnerungsorte / Hrsg. Pim den Boer, Heinz Duchardt, Georg Kreis, Wolfgang Schmale. Munchen, 2012. Bd. 1 : Mythen und Grundbegriffe des europaischen Selbstverstandnisses. 333 S; Bd. 2 : Das Haus Europa. 626 S; Bd. 3 : Europa und die Welt. 290 S.

Europäische Erinnerungsräume / Hrsg. K. Buchinger, C. Gantet, J. Vogel. Frankfurt a/M, 2009.

Francois É., Serrier Th. Lieux de mémoire européens. Paris, 2012.

Gedächtnis und Erinnerung / Hrsg. C. Gudehus u. a. Stuttgart ; Weimar, 2010.

Herder J. G. Über Denkmale der Vorwelt. Erstes Stuck. Gotha. 1792.

Jahrbuch für Europäische Geschichte. Bd. 3. 2002.

Статья поступила в редакцию 14.06.2013 г.